

С. П. Шевырев

История поэзии. Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. П. Шевырев**
История поэзии. Том 1-2 / С. П. Шевырев – М.: Книга по Требованию, 2016. –
420 с.

ISBN 978-5-458-10184-4

Чтения адъютанта Московского университета Степана Шевырева.
Издание первое.

ISBN 978-5-458-10184-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ

(ВСТУПИТЕЛЬНОЕ).

Характеристика образования главных народов новой западной Европы.

Историческое стремление наукъ въ Европѣ. — Важность историческихъ методовъ въ нашемъ отечествѣ. — Исторія Словесности есть наука Эпохи. — Двойкій способъ наблюдать Словесность. — Причины, побуждающія насъ къ занятію

Исторією Словесности. — Способъ пріобрѣсти національное мѣніе. — Точка зрѣнія на Исторію Словесности главныхъ народовъ Западной Европы. — Италия. — Ея религиозное направленіе вначалѣ. — Образование художественности. — Отношеніе ея къ Религіи. — Испанія. — Восточное начало. — Отсюда характеръ образованія Испаніи. — Различіе народовъ юга отъ народовъ сѣвера. — Англія. — Ея промышленное и практическое образованіе. — Германія. — Образованіе ученой жизни и Науки. — Франція. — Ея мѣсто въ Европѣ въ среднія времена. — Образованіе обществности. — Заключение.

Никогда еще не говорилъ я съ этого почетнаго мѣста, на которое теперь вступаю и къ которому вы, М.М. Г.Г., привыкли обращать вниманіе полное, вниманіе довѣрчивое, внушаемое вамъ благородною жаждою познаній, благородною любовью къ наукѣ. Чувствую всю важность этого мѣста, на которое я вступилъ; чувствую теперь на себѣ всю силу этого взора, который вы сейчасъ единодушно обратили на меня, приходящаго содѣйствовать вашимъ трудамъ; чувствую, что вы этимъ взоромъ выразили мнѣ свои ожиданія, свои надежды на новую пользу отъ моихъ занятій съ вами. Да, я приношу сюда всю готовность быть вамъ полезнымъ. Страхусь только того, согласуются ли мои способы съ тѣми желаніями, которыя питаю; а я желалъ бы, чтобъ каждое слово мое, передаваемое вамъ отсюда, скрѣплено было мыслію и твердымъ знаніемъ; чтобъ каждая мысль моя была плодомъ

честнаго, искренняго, полнаго занятія. Я готовъ не щадить на это ни труда, ни времени: позвольте мнѣ и отъ васъ ожидать того же. Эта взаимная увѣренность есть пища всякаго ученія.

Наблюдая современный ходъ наукъ, нельзя не замѣтить преимущественнаго господства методъ историческихъ въ изложеніи и преподаваніи оныхъ, особенно же въ тѣхъ наукахъ, предметомъ которыхъ есть человѣкъ, а не природа. Въ этомъ историческомъ направленіи ученой дѣятельности сочетались два стремленія: одно умозрительное, котораго родина есть Германія; другое эмпирическое, коего главные представительницы суть Англія и Франція. Въ лучшихъ ученыхъ писателяхъ современнаго міра, какъ Германіи, такъ и Франціи, мы видимъ сочетаніе этихъ двухъ стремленій. Германцы отказываются отъ логическихъ построеній въ наукахъ, отъ этихъ безплотныхъ скелетовъ, въ которыхъ окаменѣла самая идея; Французы перестали видѣть въ Исторіи и природѣ нескладный агрегатъ событій и явленій. Первые предпочитаютъ теперь историческія построенія, хотя и не совсѣмъ удачныя, но обнаруживающія лучшее стремленіе. Вторые, хотя еще терпятъ въ мелочи явленій, но одушевляютъ ихъ мыслию и закономъ. Если бы можно было всю современную науку назвать однимъ именемъ, то прилично бы ей было, какъ мнѣ кажется, наименованіе *мыслящей Исторіи*. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе наше тогда будетъ полно, когда Философія повѣрится Исторіею и обратно Исторія согласится съ Философіею. Пока Исторія будетъ враждебно обличать Философію въ ея смѣлыхъ начертаніяхъ — не быть Наукъ полной. Взаимная ихъ дружба будетъ торжествомъ всѣхъ стремленій ума человѣческаго. Лучшіе современные умы пекутся о водвореніи сей дружбы. Всѣ уже сказали себѣ: Наука должна имѣть душою Философію, тѣломъ Исторію.

Такое господство историческихъ методъ въ знаніи особенно прилично нашему отечеству и требуется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ оно находится, по образованію своему, относительно къ Государствамъ Западной Европы. Приходя послѣдніе къ дѣлу сего образованія, не должны ли мы, по внушенію здраваго смысла, прежде нежели рѣшимся

на какое нибудь избраніе, исторически пройти весь путь, совершенный нашими предшественниками въ образованіи человѣческомъ, по разнымъ его отраслямъ? Сямъ средствомъ только мы можемъ сохранить свою собственную самобытность и свободу избранія. Иначе, безусловно покоряясь какому нибудь одному мнѣнію, имѣвшему тамъ свою исторію и свои причины, а у насъ нѣтъ, мы явимся рабскими подражателями, впадемъ въ обезьянство. Сямъ средствомъ, наконецъ, избѣгнемъ и пагубныхъ искушеній къ предпріятіямъ невозможнымъ. Исторія преимущественно должна быть нашею учительницею, и опытъ народовъ, до насъ жившихъ, искупленный столькими жертвами, да послужитъ намъ урокомъ; да внушитъ намъ мудрую умѣренность, трудолюбивое терпѣніе и разумное избраніе. Жизнь, конечно, всегда нова; но знаніе прошлаго есть уже половина опытности.

Изъ круга наукъ словесныхъ Исторія Словесности особенно обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ, какъ то мы видимъ изъ множества курсовъ по этой части и трудовъ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, которыми особенно изобилуетъ вся первая треть нашего столѣтія. Всякой народъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ, стремится отдать отчетъ себѣ и просвѣщенному міру въ произведеніяхъ своего слова. Другіе народы, имѣя болшій объемъ знаній и досужее количество ученыхъ, кромѣ себя обращаютъ вниманіе и на иностранныя Словесности, въ особенности же на взаимное вліяніе народовъ между собою въ ихъ литературныхъ сношеніяхъ. Французы, на примѣръ, оказали услуги по Исторіи Словесности Италіянцевъ и Испанцевъ, и частію Англичанъ, особенно въ томъ отношеніи, какъ Словесность Англійская имѣла вліяніе на нихъ самихъ. Нѣмцы, одаренные болшимъ безпристрастіемъ и духомъ критики глубокомысленной, оказали, въ семъ отношеніи, всему литературному Европейскому міру услуги, скажу, болѣе безкорыстныя и способствовали къ разумному утвержденію національныхъ правъ Словесности каждаго народа, чему долго противилась самовластительная исключительность Французовъ, теперь только одумавшихся и признавшихъ, хотя не въ слухъ, свою односторонность. — Но если переберемъ мы всѣ сочиненія по части Исторіи Словесности разныхъ народовъ, то увидимъ, что она существуетъ въ отрывкахъ,

изъ которыхъ иные довольно полны, другіе же слегка набросаны. Были попытки въ Германіи дать этимъ отрывкамъ одно стройное цѣлое, но безуспѣшно. Такіе опыты представляли или простые списки словесныхъ произведеній у разныхъ народовъ, лишенные мысли и критики, какъ напр. Исторія Словесности Вахлера; или мнимое цѣлое безъ связи внутренней, въ тѣсныхъ очеркахъ, чему примѣръ есть сочиненіе Фр. Шлегеля; или построенія систематическія, въ которыхъ Исторія была жертвою системы и искажалась насиліемъ самовольной мысли, какъ наприм. Исторія Искусства Амедея Вендта и Исторія Поэзіи Аста. Успѣшнѣе были опыты, когда писатели ограничивали объемъ своего предмета, избирали какую нибудь малую частицу необозримаго поля Словесности и въ ней разсматривали по очереди усилія разныхъ народовъ.

Не буду говорить о компиляціяхъ, лишенныхъ духа критики. Въ тѣхъ же сочиненіяхъ, въ коихъ сей послѣдній обнаруживается, нельзя не замѣтить двоякаго способа наблюдать Словесность. Сіи два способа принадлежать двумъ народамъ, которые, преимущественно передъ прочими, занимаются общею Исторіею Европейской Словесности. Прибавлю еще, что сіи способы наблюденія тѣсно связаны съ образомъ мыслей и характеромъ этихъ націй. Французы смотрятъ на Словесность въ связи ея съ обществомъ; они видятъ въ ней живое выраженіе жизни общественной. Представитель этого воззрѣнія есть Вильменъ. Симъ способомъ воззрѣнія связывается Исторія Словесности съ Исторіею политическою; оживляетъ сію послѣднюю, отражая въ себѣ Исторію современныхъ нравовъ; обличаетъ причины многихъ событій, безъ нея непонятныхъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать односторонности такого взгляда. — Эстетическое и философское воззрѣніе на Словесность здѣсь совершенно принесены въ жертву. Всѣ произведенія получаютъ важность только въ томъ отношеніи, какъ дѣйствовали на жизнь общественную. Мы не видимъ въ нихъ независимаго выраженія мысли человѣка, изъ себя развивающейся; здѣсь мысль всегда запутана въ отношеніяхъ общественныхъ, всегда жертва общества, эхо гостиной или площади, а не голосъ души. Особенно невыгодно такое воззрѣніе для Поэзіи: мы не мо-

жемъ посредствомъ его оцѣнить произведеніе въ его внутреннемъ эстетическомъ достоинствѣ; ибо Поэзію видимъ не свободнымъ искусствомъ, а служащимъ свѣту, входящимъ въ его цѣли, интриги, крайности. Это воззрѣніе однако самобытно и національно, ибо проистекаетъ изъ жизни всей Франціи, гдѣ литература была всегда богатымъ дополненіемъ общественной жизни, всегда ей служила, но никогда не существовала независимо. Сею-то стороною это воззрѣніе особенно замѣчательно. Оно не есть внушеніе мертвой науки, а выраженіе общаго образа мыслей Французовъ. Оно есть, такъ сказать, цвѣтъ критики этого народа, такъ какъ она должна была созрѣть въ немъ согласно съ его духомъ и направленіемъ. Но нельзя не замѣтить страннаго противорѣчія, въ которомъ Французы въ сію минуту Европейской жизни находятся. Они видятъ въ Словесности отраженіе общества. Что, если-бы они примѣнили это воззрѣніе къ современному состоянію ихъ собственной литературы? Какое бы ужасное и отчаянное заключеніе должны были они вывести о современномъ обществѣ своего отечества! Между тѣмъ нельзя предположить, чтобы общество во Франціи достигло уже до крайней степени разврата и изнеможенія. Весьма замѣчательно, что современное состояніе Словесности Французской есть событіе, противорѣчащее одностороннему взгляду ихъ господствующей теперь теоріи. Потому оно и остается для нихъ загадкой; потому лучшіе ихъ критики, какъ наприм. Вильмень, всегда безмолвствовали на счетъ литературы современной и мало заботились объ ея направленіи.

Второй способъ наблюденія Словесности, принадлежащій Нѣмцамъ, есть преимущественно эстетико-философскій. Нѣмцы мало входятъ въ подробное изслѣдованіе отношеній, непремѣнно существующихъ между словомъ и жизнью народовъ. Они видятъ въ явленіи слова независимое выраженіе какой нибудь идеи и опредѣляютъ его художественный характеръ въ немъ самомъ, безусловно. Въ этомъ случаѣ они противорѣчатъ даже своей теоріи Поэзіи, въ которой началомъ поставлено, что Поэзія должна быть представленіемъ жизни. Но эту жизнь понимаютъ они или отвлеченно, или индивидуально, не относя ее къ современности. Потому опытъ и критика у нихъ не всегда бы-

вають согласны съ теорією. Германскій народъ мало развилъ въ себѣ жизнь общественную: онъ болѣе живетъ семейно и разрозненно. Такая жизнь, можетъ быть, особенно способствовала къ развитію его всеобъемлющей учености, которая впадаетъ иногда въ крайность отвлеченности. Отсюда-то истекаетъ сей идеальный взглядъ Германцевъ на Словесность, образуя противоположность съ практическимъ взглядомъ Французовъ. Но здѣсь же источникъ и тому великому безпристрастію Германскому, тому умѣнію переселяться мыслию въ характеры иныхъ народовъ, которое дало Германцамъ исключительное право именоваться создателями истинной критики.

Изъ примѣра Нѣмцевъ мы видимъ, что свойственно всякому младшему народу, за другими идущему въ словесномъ образованіи, увлекаться трудами своихъ предшественниковъ въ ономъ, покоряться ихъ вліянію; пока не разовьется свое самобытное стремленіе, пока не скажется своя мысль въ родномъ словѣ. Такъ мы безкорыстно занимаемся произведеніями Словесности всѣхъ предшествовавшихъ намъ народовъ, хотя и не имѣемъ, какъ Нѣмцы, досужаго на то количества ученыхъ. Уже и потому, что мы любимъ безотчетно заниматься словомъ иностраннымъ, уже и по этой простой причинѣ слѣдуетъ намъ привести эти неправильныя занятія въ стройное ученіе, дать имъ строгую и полную форму науки. Но кромѣ сей съ перваго взгляда бросающейся причины есть другія еще важнѣйшія. Наша Словесность, не смотря на недавнее свое существованіе, уже успѣла подвергнуться, прямо или посредственно, вліянію почти всѣхъ, ей предшествовавшихъ, такъ, что оцѣнить вполне достоинство произведеній собственнаго слова и объяснить явленіе ихъ со всѣми стихіями, въ нихъ вошедшими, мы не можемъ безъ предварительнаго изученія Исторіи слова иноземнаго. Почему, напримѣръ, наша Поэзія началась съ Сатиры и Оды? Почему она сначала подверглась Французскому, потомъ Германскому вліянію? — Подобные вопросы и другіе не могутъ быть иначе рѣшены. Проходя Исторію своей Словесности со времени ея Европейскаго періода, мы безпрестанно должны обращаться къ Европѣ и тамъ искать причины явленій, у насъ совершенно не имѣющихъ корня. Ибо ни одна Словесность, можетъ быть, въ такомъ маломъ объемѣ

не представляет такого сплетенія многообразныхъ вліяній.— Сверхъ того, будущее направленіе нашей Словесности можетъ быть разумно обезпечено отъ подражательности, всегда ни къ чему не приводящей, отъ ложныхъ попытокъ системы, единственно однимъ мудрымъ и живымъ познаніемъ того, что наши предшественники до насъ дѣлали, познаніемъ, которое одно можетъ привести насъ къ безошибочному избранію и къ утверженію нашего собственнаго образа мыслей въ общемъ дѣлѣ Словесности.

Не имѣя всѣхъ средствъ къ тому, чтобы самимъ собою непосредственно наблюдать произведенія слова у всѣхъ иноземныхъ народовъ, мы должны большею частію принимать на вѣру то, что они намъ сообщаютъ о себѣ или о другихъ. Какъ прежде глазами Французовъ смотрѣли мы на произведенія словесныя, такъ нынѣ смотримъ на нихъ, по большей части, глазами Нѣмцевъ. Наше самобытное воззрѣніе послѣдуетъ тогда, когда мы, устранивъ посредниковъ, отказавшихся отъ всякаго предварительнаго мнѣнія, или лучше, предубѣжденія, внушеннаго намъ нашими западными сосѣдями, обратимся прямо сами къ произведеніямъ слова и повѣримъ на дѣлѣ все то, что намъ о нихъ было сказано и нами сначала принято на вѣру. Для такого подвига необходимо намъ богатое и живое изученіе языковъ иноземныхъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, къ чему и природа дала намъ способности, и наше мѣстное положеніе предлагаетъ средства. Необходимо также отбросить ложную мысль, которая иногда беретъ господство надъ нашими трудами. Мы думаемъ, что всѣ факты уже собраны, что опытъ уже сдѣланъ — и спѣшимъ къ однимъ результатамъ, предполагаемъ неизвѣстное намъ извѣстнымъ. Это оптический обманъ, въ который вводитъ насъ Европа, ибо мы часто живемъ ея жизнью и обольщаемся чужими пріобрѣтеніями. Да, опытъ сдѣланъ, но не нами, а наука требуетъ недовѣрія. Въ ней ничего нѣтъ вреднѣе какъ чужая опытность. Факты собраны, но мы должны перебрать ихъ, а не вѣрить на слово, для того, чтобы вѣрно и по своему оцѣнить ихъ. Подвигъ великій: пріобрѣтеніе своей опытности. Вотъ къ чему я призываю васъ, М.М. Г.Г! Намъ необходимы: трудъ неутомимый, терпѣніе и мудрое безпристрастіе. При такихъ условіяхъ мы можемъ имѣть на-

дежду со временемъ даже опередить нашихъ предшественниковъ, ибо владѣемъ большими, чѣмъ они, средствами и чуждаемся всякаго односторонняго направленія, чему они всѣ безъ исключенія подвержены. Въ ихъ ветхой опытности заключается, можетъ быть, и богатство ихъ и немощь; въ нашей молодой свѣжести — наша нищета и надежда.

Всякій изъ Западныхъ Европейскихъ народовъ, Словесностью которыхъ мы будемъ заниматься по преимуществу, имѣеть свою особенную физиономію, свои особенныя нравственныя и физическія свойства и живетъ своею особенною жизнію. Развивая въ этой жизни свою личность, свою индивидуальность, онъ живетъ для себя, но дѣйствуетъ для всего человѣчества. Всякая изъ сихъ націй есть лицо въ общественной жизни Европы, и есть идея на общемъ собраніи человечества, идея, воплощенная самымъ Промысломъ для Его сокрытой цѣли. Всякая нація, какъ лицо, преходитъ; какъ идея — безсмертна. Греція и Римъ давно уже трупы; но идеи, въ нихъ олицетворенныя, живутъ во всемъ образованномъ человечествѣ.

Сія-то идея, подъ которою я разумѣю всю нравственную жизнь народа, взятую въ ея главномъ стремленіи, ни въ чемъ такъ сильно и такъ прочно не отпечатлѣвается, какъ въ его Словесности. И такъ, чтобы понять слово народа, мы должны постигнуть душу и жизнь его, должны вникнуть въ его направленіе, въ черты его нравственной физиономіи, въ его характеръ, свойства физическія, климатныя, однимъ словомъ, во всѣ стихіи, изъ которыхъ творится его духовное, человѣческое бытіе. — Тогда только мы одушевимъ слово народа его же мыслию и откроемъ ту точку зрѣнія, съ которой можно будетъ видѣть особенность его Словесности.

Чтобъ опредѣлить эту точку зрѣнія для нашего предмета, т. е. для Исторіи Словесности *новыхъ народовъ Западной Европы*, переберемъ теперь тѣ страны оной, которыя суть главныя представительницы Европейскаго образованія; пройдемъ ихъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою на поприщѣ Исторіи слова; постараемся означить главное направленіе каждой изъ сихъ странъ въ обще-европейскомъ образованіи и потомъ посмотримъ,

какимъ образомъ эта душа народа, эта главная мысль каждаго изъ нихъ выражалась въ произведеніяхъ его Словесности и особенно въ созданіяхъ Поэзіи. Эти страны будутъ: Италія, Испанія, Англія, Франція и Германія. Всѣ онѣ, вышедъ одна за другою изъ колыбели среднихъ временъ, изъ этого хаотическаго, первобытнаго ихъ міра въ міръ новѣй, постепенно развивали каждая свою индивидуальность и въ ней свое особенное человѣческое назначеніе. Каждая изъ нихъ вложила въ общую массу Европейскаго образованія свой собственный вкладъ. Всѣ онѣ суть жрицы, служащія Провидѣнію для Его цѣли, Провидѣнію, ими ведущему человѣковъ къ метѣ совершенства. Всѣ онѣ, въ своихъ произведеніяхъ слова, представили особыя, оригинальныя созданія, и эта ихъ особенность есть выраженіе ихъ собственной жизни, и тѣ изъ сихъ созданій истиннѣе, прекраснѣе, способнѣе дѣйствовать на все человѣчество, на которыхъ ихъ нравственная жизнь отпечатлѣлась полнѣе, многостороннѣе.

Италія, озаренная блескомъ красоты своей, предшествовала своимъ сестрамъ на пути образованія и, богатая наследственною силою, вышла впереди ихъ изъ тучнаго міра древности. Въ ней истлѣлъ этотъ колоссальный, роскошный, великолѣпный трупъ древняго Рима; этотъ, по видѣнію пророка, четвертый звѣрь, *страшный и крѣпкій*, который, своими желѣзными зубами пожравши и скопивъ въ себѣ всѣ сокровища древняго міра, палъ подъ ударами варваровъ съвера и подъ гнетомъ своей собственной чувственности. Въ Италіи же, въ стѣнахъ Колоссея, гдѣ Римскій народъ упоялъ свою плотскую душу зрѣлищемъ крови человѣческой, въ сихъ же стѣнахъ, оскверненныхъ прихотью общенароднаго разврата, возсіялъ Христіанскій духъ въ первыхъ мученикахъ. Ихъ вопли за Христа скоро превратились въ торжественные гимны побѣдительной Вѣры. На кровавыя игры Колоссея, учреждавшіяся въ честь боговъ ложныхъ, нисходилъ духъ Бога истиннаго и боролся съ Римскою плотью и поборолъ ее. — Италія назначена была служить Европейскою прекрасною колыбелью Богу, рожденному въ ясляхъ Вифлеема. Съ Аппенинскихъ хребтовъ скатилась та Божественная вода крещенія, та вода жизни, которая упитала всю дикую ниву Европы и уготовила на ней обильную жатву.

Безчисленные миссіонеры разнесли изъ Италіи благовѣстіе Божіе по всѣмъ концамъ Европы. Италіи принадлежитъ *религіозное образованіе* западныхъ Европейскихъ народовъ. По удаленіи древняго Императорскаго престола изъ Рима въ Византію, въ Италіи воздвигся новый тронъ духовный, новая вѣласть, и около сего трона образовалась вся западная Церковь, какъ особенное царство, которое долго составлялось изъ своихъ стихій и развило свое полное самобытное существованіе только въ XI вѣкѣ, при Григоріи VII. Съ IV вѣка, во всѣ среднія времена Европы, Италія держала надъ Западомъ скиптръ духовной власти — и средоточіемъ ея собственной жизни и вѣлѣсть корнемъ жизни Европейской была жизнь *религіозная*.

Но въ Италіи, какъ я сказала уже, хранились остатки отъ *полмертвой роскоши* древняго міра, остатки отъ этого пира пресыщенной чувственности, пира, украшеннаго всѣми прелестями древней художественной жизни. Древность, кончивъ свое бытіе и погребши во тьмѣ вѣковъ всѣ ужасы, запечатлѣвшіе особенно послѣдніе вѣка ея кончины, древность отошла въ благопріятное для себя отдаленіе и явилась какимъ-то очаровательнымъ, чуднымъ призракомъ, безъ крови на себѣ, безъ яркаго слѣда чувственныхъ страстей своихъ, въ однихъ изящныхъ, дивно-высокихъ очертаніяхъ. Всѣ эти онѣмѣвшіе мраморные храмы съ чудесными колоннами и фризами; всѣ эти мраморные боги, обличенные во лжи истинною Вѣрою; всѣ эти форумы, безгласные скелеты жизни когда-то гремящей; всѣ лики мужей, обоготворенныхъ народомъ; эта громада Колоссея, сложенная по легкимъ очертаніямъ изящнаго циркуля; этотъ Пантеонъ — апогеоза всего древняго міра; всѣ эти мраморы, гробницы, обелиски, колонны, статуи, водопроводы — наконецъ, это слово роскошное, это слово, крѣпкое какъ мраморъ и обработанное рѣзцами столькихъ геніальныхъ поэтовъ: всѣ эти сокровища древняго міра, хранившіяся въ Италіи, не говорили нисколько чувству религіозному, чувству совершенно новому, Христіанскому, небесному; но говорили другому чувству, чувству болѣе земному, но сладчайшему изъ всѣхъ земныхъ чувствъ, чувству прекраснаго, и вызывали его на поприще творчества, на жизнь дѣятельную. Вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ прекраснаго дре-